

Но целостный образ алхимии, сложенный из принципиально разнородного, Гоголь не увидел. Алхимия предстала ему рядовым фрагментом в контексте средневековой культуры, предтечей новонаучного европейского знания: «...самый образ занятий, царствовавший в середине и конце средних веков, — это всеобщее устремление всех к чудесной науке, это желание выпытать и узнать таинственную силу в природе, эта алчность, с какою все ударились в волшебство и чародейственные науки, на которых ясно кипит признак европейского любопытства, без которого науки никогда бы не развились и не достигли бы нынешнего совершенства! Самая даже простодушная вера их в духов и обвинения в общении с ними имеет для нас уже необыкновенную занимательность» (с. 23). Обратите внимание на мысль о массовом характере «чародейственных наук», всеобщей поглощенности магическим чудодейством.

Ближе к пониманию избраннической миссии алхимика оказался А. И. Герцен: «Посмотрите на алхимика перед его горном — на этого человека, окруженного магическими знаками и странными снарядами; отчего эта бледность щек, этот судорожный вид, это трепетное дыхание? Оттого, что в этом человеке не целомудренная любовь к истине, а сладострастное питание, насилие; оттого, что он делает золото, гомункула в реторте. Объективность предмета ничего не значила для высокомерного эгоизма средних веков; в себе, в сосредоточенной мысли, в распаленной фантазии находил человек весь предмет, а природа, события признавались, как слуги, помочь в случае нужды и выйти вон» (1954, 3, с. 256—257). Но средние века у Герцена оказываются целиком растворенными в алхимическом высокомерном труде.

Средневековое сознание было двойственным по самой своей сути⁵. Здесь следует принять во внимание мысли Ф. Энгельса об алхимии, сводящиеся, во-первых, к тому, что алхимия в свое время была необходима; во-вторых, что существует связь между алхимией и религией; и, наконец, в-третьих, что алхимия немислима без философского камня, обладающего богоподобными свойствами, а именно: чудесным сверхъестественным образом трансмутировать благородные металлы в золото и серебро, быть панацеей от всех болезней и служить эликсиром вечной жизни. Алхимия — это спиритуалистическая химера; мечта покорить природу чудесным и сверхъестественным путем⁶.

Как видим, парадокс исторического бытия алхимии пронизательно точно отмечен Ф. Энгельсом, считавшим алхимию существенно необходимым элементом средневековой культуры и представляющем собой сочетание спиритуалистических и «практических» потенциалов, живущих в алхимии как в целостном живом образе средневековой культуры. Вмес-

⁵ Уже Августин в «*De civitate Dei*» близко подходит к этой мысли: «Два града сделали две любви; земной град — любовь к себе до пренебрежения богом; град небесный — любовь к богу до пренебрежения собою» (с. 222).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 277; т. 21, с. 293.